

Литература:

1. Виноградов В.В. Стилистика. Теория поэтической речи. Поэтика. – М., 1963.
2. Ковалев В.П. Выразительные средства художественной речи. – Киев, 1985.
3. Словарь русского языка: В 4-х тт. – М., 1981-1984.
4. Степанов Ю.С. Имена, предикаты, предложения. – М., 1981.
5. Цыганенко Г.П. Русский язык. Морфемика. Словообразование. Этимология. – Донецк, 1999.

Поступила в редакцию 30.11.2002

СРАВНЕНИЕ КАК ОДНА ИЗ ОСНОВ РАЗВИТИЯ ОТНОШЕНИЙ ОБУСЛОВЛЕННОСТИ

Т. А. Яценко

Таврический национальный университет им. В.И.Вернадского

В статье рассматривается категория сравнения как основа для развития языковых логических отношений (причина, следствие, условие, цель, уступка). Исследование строится на историческом и современном материале русского языка с частичным использованием украинского языка.

Ключевые слова: языковые логические отношения, троп, сравнение, метафора

У статті розглядається категорія порівняння як засада розвитку мовних логічних стосунків (причина, наслідок, умова, мета, доступ). Дослідження будується на історичному та сучасному матеріалі російської мови з частковим використанням української мови.

Ключові слова: мовні логічні стосунки, троп, порівняння, метафора

The article deals the category of comparison as a base for development of the language logical relations (causative, effect, condition, purpose, concession). The research is fulfilled on the material of historical and modern Russian language with partial using of Ukrainian language.

Key words: language logical relations, trope, simile, metaphor

Отношения обусловленности в современной лингвистике трактуются через понятие пропозиций, объединённых логическими связями [1;2;3;4], и традиционно включают условные, причинные, следственные, целевые и уступительные. История грамматического становления этих отношений в русском языке показывает, что они развивались в тесном взаимодействии и оформились синтаксически в XVI–XVII вв. [5, с.302; 6, с.254-269], при этом отношения гипотаксиса развивались на основе отношений паратаксиса. Наиболее распространённым является положение о развитии логических отношений на базе пространственных и временных, что находит подтверждение в функциональной подвижности соответствующих предлогов и союзов (А.Ф.Лосев, Т.П.Ломтев, В.И. Борковский, В.Н. Мигирин, З.Д. Попова и др.). Ср.: [7].

В меньшей степени исследована такая важнейшая, на наш взгляд, основа развития отношений обусловленности, как сравнение. Между тем факты истории языка показывают, что древнерусский союз *яко* (*как*), основным значением которого является сравнительное, широко использовался и для присоединения придаточных со значением обусловленности. Так, по данным Е.С. Истриной, основаным на I Новгородской летописи по Синодальному списку, видно, что союз *яко* присоединяет не только придаточное сравнения: *и отыниши тыном всь около, яко же инии гради имаху*, – но и придаточные со значением причины: *Новгородци же... створиши вЪче на посадника Дмитра...*, *яко ти повЪлЪши на новгородьцихъ сребро имати*; следствия: *толми бяше лютъ пожаръ, яко по водЪ огонь горяше*; цели: *хотя погубити безбожныя сыны... яко да отмъстятъ кръвь крестьяньску* [8, с. 186-188]. Союз *яко* мог иметь и уступительное значение: *Не въсхотЪ противитъ брату своему любве ради Христовы, яко великымъ вои держа въ руку своєю* (Сказание про Бориса и Глеба, XII в.). В старом украинском языке, как указывает О.П. Безпалько, тоже возможно было (хотя и довольно редко) употребление союза *якъ* при присоединении придаточных уступки: *... И вже розсЪявиши в ПолтавЪ плевелы, же будто всеконечне Василий Кочубей мЪветъ быти у нас у Полтавъ, якъ ещё дитя молодое, полковникомъ и безъ всЪхъ насъ общой ради* (Супілка полчан полтавських на судю Петра Кованьку, 1774р.) [9, с. 197-198]. См. также в староукраинском языке сочетании *яко жь*: Але видимо оу томъ листу твоее милости много речей прыложено, *яко жь* мы не ждали такового листу от твоее милости (б.м.н., 1496 ВД II, с. 401) [10, т. II, с.581].

Заметим, что союз *как* (наряду с типично-причинным *потому что*) употребляется и в литературном языке XIX века: *Но как вино подавалось у нас только за обедом..., то мой Бопре очень скоро привык к русской настойке* (А.С.Пушкин, Капитанская дочка); *И как уголок их был почти непроезжий, то и неоткуда было почерпать известия о том, что делается на белом свете* (И.А. Гончаров, Обломов), в диалектах и современном просторечии: *А как я опоздала, то уже и постыдилась войти* (Запись устной речи).

Показательно, что это созвучие сравнительного, причинного, условного и временного союзов характерно для ряда других современных не только славянских, но и романских языков. Так, в украинском языке союз *як* присоединяет придаточное сравнения, времени и условия: *Хоча як інші книги погортай, то перший цар був скіфський Тарзітай* (Л. Костенко) [11, с. 334]. Французское «*comme*» имеет сравнительное, причинное и временное значение.

Причинное значение современного союза *так как* развивалось из сравнительного. Союз *так как* представляет собой сращение двух местоименных наречий: *так, как*, которое закрепилось только к концу XXVIII в., прежде всего, в официально-деловом языке, а в литературный язык союз вошёл в 40-50-е годы XIX в. В.В. Виноградов приводит замечание Л. Поливанова («Русский синтаксис») по поводу употребления этого союза: «... весьма редко употребляется образцовыми писателями, как неблагозвучный. Вместо него (всегда после другого союза) они обыкновенно ставят *как*: *Пётр Великий запретил коленопреклонение, а как народ того не слушал, то Пётр Великий запретил уже сие под жестоким наказанием* (А.С. Пушкин) [5, с.563]. В.В. Виноградов отмечает, что в языке Пушкина союз *так как* в причинном значении употреблён лишь однажды, причём иронически, в «Евгении Онегине» (гл. II, стр. V) [5, с.563].

Насколько нам известно, первым в лингвистике переход от сравнения к причине обосновал в ряде своих работ А.А. Потебня. Отмечая существенность пространственных и временных понятий для развития причинного, на первое место он всё же выдвигает понятие сравнения (сходство или противоположность): «Понятие причины производно. Первое – сочетание образов по сходству или противоположности, по соприкосновенности или близости в пространстве и последовательности во времени (= одновременность = последовательность)» [12, с. 494, цит. по [5, с. 562-563].

Прежде чем перейти к рассуждениям А.А. Потебни о происхождении причинно-следственных отношений от сравнительных, необходимо вспомнить его толкование тропов, не совпадающее с общепринятым: «... за действительную исходную точку мысли, за её первообразную форму считать, вопреки значению самого термина, троп, а за производную форму – то, что древние и их новые повторители считали «первообразным: *propria significatio* ...» [13, с. 395], из чего следует и особый взгляд на метафору. А.А. Потебня, считая, что «о метафоричности мы вправе говорить лишь там, где она признаётся самим человеком», отстаивает идею полного отсутствия метафоры в мифе [14, с. 262]: «Тучи он считает хотя и небесными, божественными, светлыми, но всё же барашками» [14, с.262] (Ср. позицию О.М. Фрейденберг, которая также полагает, что для первобытного человека «один предмет и есть другой», но варианты мифического образа определяет как «до-метафоры», из которых впоследствии развиваются метафоры поэтические [15, с. 23]. Этой же теме посвящены замечания А.А. Потебни по поводу статьи А.А. Котляревского «Разбор сочинения Афанасьева «Поэтические воззрения» (А.Н. Афанасьев «Поэтические воззрения славян на природу»), где он спорит с положением о том, что «народ... оказывал предпочтение метафоре именно потому, что ... природу ... он мог понять только как совокупность живых действующих существ» [14, с.263]. Это положение противоречит другому высказыванию А.А. Котляревского об употреблении выражения «солнце садится» вовсе «не в переносном поэтическом смысле». И далее, сопоставляя взгляды А.Н. Афанасьева, считавшего, что метафора создавалась совершенно свободно, черпая из богатого источника, а не по нужде, «не ради бедности языка», и Х. Мюллера, видевшего причину появления метафоры в лексической бедности древнего языка, А.А. Потебня в основном принимает позицию Х. Мюллера. Но при этом он замечает, отчасти полемизируя с последним, что метафора изначально присутствовала в языке прежде всего потому, что язык всегда беден по отношению к требованиям развивающейся мысли [14, с.263].

Любопытно проследить, как соотносится мысль А.А. Потебни, выраженная в заключительной фразе, с «принципом воронки» (Ч.С. Шеррингтон [16]), широко используемым в современной психологии (Л.С. Выготский), мифологии (И.М. Дьяков) и теории искусства (Л.С. Саламон). Суть «принципа воронки» заключается в том, что эмоции всегда богаче языка и избыток разра-

жений приводит к дополнительным рефлексиям. И.М. Дьяков утверждает, что «принцип воронки полностью относится и к мифологическому мышлению: неспособное к абстрактному обобщению, оно вынуждено передавать обобщения через тропы...» [17, с. 38]. Но в этой же работе находим замечание, что для древнего человека современное полисемичное слово было моносемичным: семантические составляющие сливались в одном [17, с.193-194]. Очевидно, можно говорить о своеобразном отождествлении в мифологическом тропе содержания с образностью.

Для народного сознания и на более поздних этапах развития слияние *качества с вещью* или *лицом* представляется вполне естественным. А.А. Потебня приводит примеры из «Лечебника XVIII в.», где «глухота», «очная болезнь» представлены как *вещи*, приходящие к человеку и уходящие от него [13, с.18-19]. Именно этой особенностью древнего мышления и объясняется возможность первоначального слияния представлений о причине и следствии.

А.А. Потебня на разнообразных примерах (тексты древнерусской литературы, сказки, народные песни, устойчивые словосочетания, записи детской речи) показывает, что для древнего состояния мысли, как и для детского сознания, характерна «первообразная способность познавать себя лишь в (субъективной) окраске мыслимых вещей» [13, с.395]. Например, городу Царьграду «приписывается» эстетическая ненасытность путешествующего автора: «*по Царьграду когда пойдёшь гулять, ненасытный градъ, чтобы присмотрѣться: тут хорошо, а индѣ лучше*» (Путешествия Лукьянова, 1710) [13, с.395]. См. также *пьяное вино, мёды пьяные* – напитки, от которых человек пьян бывает. Получается, что «тому, что производит качество в другом, приписывается само это качество»: *Весёлая весна звеселила усі гірочки (укр. нар. песня)* [13, с.396].

Но для осознания этого явления нужен уже следующий этап развития мысли: «нужно, чтобы для говорящего причина и следствие вообще были качественно различны, чтобы для него, например, появление искры из кремня объяснялось не огненностью кремня, не тем, что до своего появления огонь был уже заключён в кремне» [13, с.396]. Переход от сравнения к причине А.А.Потебня определяет как важнейший этап развития человеческого сознания: «Для понимания важности, какую имел для человека совершившийся в языке переход от сравнения к причине, следует представлять эту первобытную категорию причины не неподвижным результатом относительно слабой умственной деятельности, а живым средством познавать новое» [18, с.191].

Из отношений сравнения А.А. Потебня выводит и приметы. В своём древнейшем виде примета – это видоизменение сравнения. Так, например, имевшееся в языке сравнение звона со словом объясняет появление приметы «если звенит в ухе, то говорят о нас» [18, с. 189]. Но примета, естественно, не сводится к сравнению, где связь между символом и значением представлялась существенной только для субъекта, но была внешней по отношению к сравниваемым явлениям. Примета понимается А. Потебней как более поздний этап человеческого мышления: «примета по отношению к сравнению есть приобретение мысли, расширение её горизонта» [18, с.190].

А.А. Потебня отмечает тесную ассоциативную связь между членами сравнения, при этом существенно их расположение: присутствие первого вызывает «ожидание» второго. Приведём выдержку из его работы, демонстрирующую семантические различия между сравнением и приметой: «В сравнении «погасла свеча, не стало такого-то» оба члена или налицо, или если только в мысли, то так, что не требуют дополнения со стороны новых восприятий; но в примете «его свеча (горевшая перед ним или в его руках в известном торжественном случае) погасла, он умрёт» второй член есть ожидаемое событие [18, с.190]. При этом само «событие – предвестник» как бы детерминирует наступление «предвещаемого» независимо от его восприятия / невосприятия тем субъектом, с которым оно произойдёт. Например: крик филина предвещает смерть, независимо от того, слышит его человек или нет; увиденная во сне лента предвещает человеку дорогу, независимо от того, может ли он истолковать этот сон.

Основой возникновения многих примет (но далеко не всех!) лежит временная последовательность событий, ошибочно принимаемых за причинно-следственную связь (на диалогическом уровне) [15; 17]. Если оперировать современным пониманием отношений обусловленности, то в приметах выявляются не столько причинно-следственные, сколько условно-следственные отношения, т.к. событие – следствие представляется с модусом возможности или необходимости [3, с.356]. Помимо этого, в широко распространённых приметах «запретительно-предупреждающего» характера эксплицитно представлены и целевые отношения: *Не бей собаку: судорги потянут, ср.: Если будешь бить собаку, потянут судороги. Не бей собаку, чтобы не потянули судорги.*

Таким образом, отношения сравнения оказываются важнейшей основой для развития не только причинно-следственных, но и других отношений обусловленности.

Литература:

1. Современный русский язык / Под ред. В.А. Белошапковой. – М.: Высшая школа, 1989.
2. Русская грамматика / Под ред. Н.Ю. Шведовой и В.В. Лопатина. – 2-е изд., испр. – М.: Русский язык, 1990.
3. Золотова Г.А., Онипенко Н.К., Сидорова М.Ю. Коммуникативная грамматика русского языка. – М., 1998.
4. Всеволодова М.В. Теория функционально-коммуникативного синтаксиса: Фрагмент прикладной (педагогической) модели языка: Учебник. – М.: Изд-во МГУ, 2000.
5. Виноградов В.В. Русский язык (грамматическое учение о слове). – Изд. 2-е. – М.: Высшая школа, 1972.
6. Якубинский Л.П. История древнерусского языка. – М.: Государственное учебно-педагогическое издательство Министерства просвещения РСФСР, 1953.
7. Степанов Ю.С. Концепт «причина» и два подхода к концептуальному анализу языка – логический и сублогический // Логический анализ языка. Культурные концепты. – Л., 1991 – С. 5-14.
8. Истрина Е.С. Синтаксические явления в I Новгородской летописи летописи по Синодальному списку. – М., 1923.
9. Безпалько О.П. Нариси історичного синтаксису української мови. – Київ: Радянська школа, 1960.
10. Словник староукраїнської мови XIV – XV ст.: У 2-х томах. – Київ: Наукова думка, 1978.
11. Сучасна українська мова: Підручник / О.Д. Пономарів, В.В. Різун, Л. Ю. Шевченко та ін. За ред. О.Д. Пономарева. – 2-е вид., перероб. – К.: Либідь, 2001.
12. Потебня А.А. Из записок по теории словесности. – Харьков, 1905.
13. Потебня А.А. Из записок по русской грамматике. – Т. III. Об изменении значения и заменах существительного. – М.: Просвещение, 1968.
14. Потебня А.А. Из записок по теории словесности. Фрагменты // Потебня А.А. Слово и миф. – М.: Изд-во Правда, 1989.
15. Фрейденберг О. М. Введение в теорию античного фольклора. Лекции // О.М. Фрейденберг. Миф и литература древности. – М.: Наука, 1978.
16. Шеррингтон Ч. и др. Рефлекторная деятельность спинного мозга. – М., 1932.
17. Дьяконов И.М. Архаические мифы Востока и Запада. – М.: Наука, 1990.
18. Потебня А.А. Мысль и язык // Потебня А.А. Слово и миф. – М.: Изд-во Правда, 1989.

Поступила в редакцию 14.11.2002